

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ПОНЯТИЯ ДЕРИВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ.

Георгий Константинович МОЛДОВАНУ
dr.hab., prof.

Экономическая Молдавская Академия, Кишинёв

Abstract

This paper outlines an approach to lexical derivation lato sensu and provides new possibilities for an integrated treatment of the systematicity of the lexicon. It first reviews some traditional and current approaches to the concepts of derivation and word formation and presents some arguments to establish a boundary between these two phenomena. Furthermore, the article defines the concept of lexical derivation lato sensu that includes word formation as its central part and presents some proposals toward an adequate account of the derivation lato sensu and its relation to the analysis of the systematicity of the French lexicon. The principal innovation lies in the delimitation of other cross-subcategories of lexical derivation lato sensu, such as semantic derivation, suppletion, analytical derivation to describe derivational combinations in different languages. The approach presented allows us to capture the formal derivational meaning between productive and transparent derivational constructions using both – formal and semantic criteria (word formation), on the one hand, and the opaque derivational meaning based on semantic dimension (suppletive forms, analytical forms, etc.), on the other hand, and to structure more adequately the lexicon of a language.

Ключевые слова: *лексическая деривация в широком смысле, словообразование. Семантическая деривация, супплетивная деривация, аналитическая деривация, лексическая морфология, комплексная деривационная парадигма, деривационное значение.*

1. Введение

Хорошо известно, какое большое значение придается в современной лингвистике исследованию деривации, и одновременно какое разное содержание вкладывается в это понятие учеными. Термин "деривация" становится все более употребительным в

лингвистической литературе. Вскрывается все новые и новые аспекты деривации, делаются попытки провести достаточно четкие границы между различными видами деривации: лексической, синтаксической, семантической, формальной и т.п. При этом, термин "деривация" широко применяется сейчас не столько в его первоначальном значении для обозначения суффиксального и безаффиксального способов словообразования (Grevisse 1980: 93) или же для обозначения префиксального и суффиксального способов словообразования (Le Bidois 1970: 51; Торопцев 1980: 88; Ахманова 1969: 129; Bréal 1908: 60; Guilbert 1971: IX) и даже не столько как синоним термина "словообразование" (Земская 1981: 133; Dubois 1969:43-52).

В настоящей статье выявляется неединственность интерпретаций понятия деривации в современной лингвистике, уточняется соотношение понятий „деривация” и „словообразование”, систематизируются разновидности лексической деривации в широком смысле и, на этой основе, обосновывается целесообразность деривационного (в широком смысле) подхода к гнездованию французской лексики.

2. Эволюция понятия деривации в современной лингвистике.

Традиционно употребляемый в теории словообразования термин "деривация" постепенно расширяется в своем значении. Трансформационной грамматикой он был введен в систему синтаксических понятий, где оказался синонимичным терминам "трансформация" или "генерация", а в последнее время стал употребляться также в семантических исследованиях. В работах различного характера под деривацией обычно понимают выражение любого нового значения, которое представляет собой "отклонение" от первоначального значения, образование любой вторичной, мотивированной единицы: морфологически производного слова (в словообразовании), вторичных значений многозначных слов (в лексической семантике), производных конструкций - словосочетаний и предложений (в синтаксисе). Так как привычно выделяются единицы: лексические – слова, морфологические – формы слова и синтаксические – словосочетания и предложения, - то и образование этих единиц различается как деривация лексическая, морфологическая

и синтаксическая. Именно так в последнее время многие лингвисты стали понимать и систематизировать деривацию (Мурзин 1987; Шкуропацкая 2003).

Но термины "лексическая деривация" и "деривация синтаксическая" имеют свою собственную историю (Курилович 1962: 61-63). Знаменитое противопоставление лексической и синтаксической деривации у Е. Куриловича было положено в основу многих современных концепций словообразования (Земская 1966; Апресян 1974; Кубрякова 1981). Комментируемое не только в работах по словообразованию (Арутюнова: 78), это деление признавалось не всеми лингвистами (Хохлачёва 1976:36), и в то же время к аналогичному противопоставлению словообразовательных процессов по их цели и по их результатам склоняются едва ли не все лингвисты, анализирующие семантические аспекты этих процессов.

Не вызывает однако сомнения, что выделение лексической и синтаксической деривации недостаточно для отражения всего многообразия словообразовательных процессов. Как показали ряд исследователей (Кубрякова 1980: 120-121; Соболева 1972: 194-195; Dokulil 1962: 28-129), при последовательном учете двух признаков, классификация словообразовательных процессов приобретает более сложный характер. Условный и относительный характер лексической и синтаксической деривации, а также неединственность интерпретации данного вопроса среди учёных лишает в известной степени данные понятия терминологической значимости. Не случайно многие лингвисты (Азарх 1984: 29; Николаев 1987: 5) признают неудачным принятое в словообразовании употребление терминов "лексическая деривация" и "синтаксическая деривация". В последнее время термины лексическая и синтаксическая деривация все больше и больше связываются с деривационным аспектом лексики (лексическая деривация) и деривационным аспектом синтаксиса (синтаксическая деривация).

Внедрение принципа деривации в область синтаксических структур, текста создало необходимые условия для признания всеобъемлющей роли деривации в иерархической организации языковой системы и в коммуникативных процессах порождения и восприятия речи (Кацнельсон 1986: 131). При этом термин

"синтаксическая деривация" используется в исследованиях синтаксической производности, которая связывается, главным образом, с предложением (Кацнельсон 1986: 132). Конкретное применение принципа деривации к частным вопросам языкового строя свидетельствует об универсальной значимости деривационных отношений в системе языка.

Известно, что новые научные построения часто осуществляются на каком-либо одном участке целостного объекта, а затем экстраполируются на сопредельные сферы. К примеру, системно-структурное изучение языка в своем истоке было связано с разработкой фонологической теории; исследование же образования вторичных (мотивированных) единиц (явление деривации), как уже было сказано, первоначально замыкалось в области словообразования (это и обусловило, в частности, традиционное использование термина "деривация" в узком, словообразовательном значении). Деривационные связи длительное время смешивались с этимологическими и получали однобокое историко-генетическое освещение. Лишь относительно недавно была распознана принципиальная грань между омертвелыми этимологическими связями, характеризующими лексику в генетическом плане, и живыми функциональными связями, характеризующими ее в синхроническом срезе.

Итак, явление деривации – образования вторичных языковых единиц – возможно на разных уровнях строения языка, а отношения производности, складывающиеся между любыми первичными и вторичными знаками, имеют основополагающее значение для понимания и функционирования всей системы языка. Например, Е. С. Кубрякова определяет деривацию как "... процесс образования или результат образования в языке любого вторичного знака, т. е. знака, который может быть объяснён с помощью единицы, принятой за исходную, или выведен из неё путём применения определённых правил" (Кубрякова 1974: 64).

Следовательно, деривация сводится к тому, что некоторая исходная единица с помощью специальных средств (например, аффиксов в теории словообразования) или особых операций (например, дистрибутивных, трансформационных в синтаксической

теории), или же в результате "перегруппировки" семантических признаков модифицируется таким образом, что образуется новая, вторичная единица, связанная с первой отношениями производности. Вне зависимости от того, что собой представляет полученная единица, ее деривацию можно представить формулой $A+x \rightarrow B(Ax)$, где A и B языковые единицы, а " x " некоторый показатель деривации. Эта формула носит инвариантный характер, так как ее символы обозначают единицы любого языкового уровня. Показатель деривации может быть формально выраженным, а также невыраженным формально, а значит, деривация может быть по форме эксплицитной и имплицитной.

Исходя из вышеизложенного, нетрудно заметить, что в настоящее время – и это важно подчеркнуть – существуют две точки зрения, отражающие расхождения во взглядах на природу и сущность деривации.

1. Достаточно популярна точка зрения, согласно которой деривация сводится к словообразованию. Соответственно, и понятия "лексическая деривация" и "синтаксическая деривация", согласно такому пониманию деривации – явления исключительно словообразовательные.

2. Достижения же лингвистической науки последнего времени выдвинули новую точку зрения на проблему деривации, объективно нацеливающую ученых на раскрытие деривационной природы языка в целом. Ее сторонники исходят из того, что деривация охватывает все уровни языкового строя, и что деривационные отношения между первичными и вторичными языковыми знаками складываются как на словообразовательном, так и на лексико-семантическом, лексическом, синтаксическом и т. п. уровнях. Эта точка зрения представляется нам наиболее перспективной.

Следствием указанных интерпретаций явления деривации является возникновение трудностей в использовании терминологии: возникает, в частности, нежелательная синонимичность гиперонимических терминов "деривация" и гипонимических терминов – соответственно "лексическая деривация" и "синтаксическая деривация". Поскольку первая и вторая точки зрения на проблему деривации не являются взаимоисключающими, выход из подобного

затруднения можно найти путем введения двойного – узкого и широкого понимания деривации.

Деривация в узком смысле – это исследование собственно словообразования. Соответственно, при таком подходе деривационные отношения отождествляются со словообразовательными отношениями. Деривация в широком смысле охватывает процессы образования слова, значений слова, грамматических форм слова, словосочетаний, фразеологизмов, слогов или тактов, предложений и т. п., наконец текстов, то есть всех возможных единиц, начиная с фонемы и кончая текстом (Мурзин 1984: 3). Не случайно в последнее время учёные приняли термин "дериватология" как название того направления, в русле которого развиваются определенные словообразовательные, синтаксические, семантические исследования языка и текста. Иными словами, дериватология - это наука о деривации в широком смысле, эта наука о процессах и результатах образования любых вторичных языковых единиц.

Расширительное понимание явления деривации позволяет сделать следующий шаг в описании системности лексики. Этот шаг состоит, прежде всего, в расширении границ исследования деривационных отношений.

3. Разграничение понятий "словообразование" и "деривация".

Тенденция к более адекватному изучению системности лексики с точки зрения эпидигматических отношений (термин Д. Н. Шмелева) стала одним из самых интересных течений в современной семантике. Эта ориентация проливает новый свет на проблему деривации в области лексики (лексическую деривацию в широком смысле). Уточнение границ словообразования и деривации является особенно актуальным, так как с этим связано наличие двух подходов к принципам гнездования лексических единиц: словообразовательного (с позиций словоупотребительной нормы) и деривационного (с позиций теории деривации в широком смысле).

Главную причину расхождений во взглядах специалистов по существу данного вопроса мы усматриваем в признании или непризнании ими правомерности использования критерия словообразовательной производности в качестве единственного критерия при гнездовании. Иными словами, при

словообразовательном подходе гнездование сознательно ограничивается установлением отношений словообразовательной производности (мотивированности) между лексическими единицами; при деривационном подходе – процедура включения в деривационную парадигму непременно предполагает учет и других возможных типов мотивированности. В дальнейшем мы попытаемся, по возможности, доказать узость словообразовательного и перспективность деривационного подходов к принципам гнездования лексических единиц, по крайней мере, для французского языка.

Системный подход к изучению словообразования предполагает рассмотрение лексических единиц как элементов словообразовательных рядов и гнезд, в пределах которых существует вполне определенная связь формы и содержания. Словообразование, например, можно рассмотреть как определенный тип лексической деривации в широком смысле со следующими специфическими чертами: это такой тип образования вторичных знаков, при котором вторичный знак создается непосредственно в целях номинации и при котором он ограничен пределами производного слова. Производное слово всегда связано с исходным отношениями словообразовательной мотивированности, повторяющимися в целой серии случаев – в словообразовательном ряду – и складывающимися благодаря применению одного и того же формального средства.

Отметим, однако, что важнейшим фактором, который определяет внутреннюю организацию и внешние границы лексической деривационной системы конкретного языка, является не только продуктивность моделей образования производных слов, но и словообразовательная недостаточность. Она выражается в том, что ряды производных слов с одинаковым словообразовательным значением, как правило, являются количественно ограниченными по отношению к соответствующим рядам мотивированных слов¹. Из слов *marcher*, *descendre*, *tomber* только первое вовлекается в процесс образования производного слова со значением "действие по глаголу" (ср.: *marcher*→*marche*). Второе образует супплетоидную пару

¹О нетождественности понятий – соответственно производное/мотивированное, производящее/мотивирующее см.: (Чинчлей 1980: 36, 139-149).

(Чинчлей 1980: 55) (ср.: *descendre*→*descente*), а третье – супплетивную (ср.: *tomber*→*chute*).

Анализ языкового материала современного французского языка показывает что критерий словообразовательной мотивированности является недостаточным, чтобы служить основой для описания системности лексики в свете эпидигматических отношений, а словообразование не покрывает всей совокупности деривационных явлений, характеризующих широкое поле лексической морфологии². Таким образом, гипноз материального тождества и цельноформленности мотивированной единицы приводит к тому, что деривация в широком смысле вообще не получает перспектив развития и ее лингвистическая ценность обедняется. Этот факт может и должен быть принят как один из исходных моментов в постановке и решении важных вопросов, связанных с исследованием лексической деривационной системы языка, включающей и словообразование.

Расширение понятия мотивированности в сравнении со словообразовательной мотивированностью, распространение данного понятия не только на производные, а также на членимые, но не производные слова (Чинчлей 1984: 105-111) создает благоприятные предпосылки для исследования лексической деривационной системы современного французского языка со свойственными ему особенностями.

Известно, что специфика французской словообразовательной системы заключается в том, что она формируется на основе двух корневых элементов, исконного и книжного, образующих две подсистемы в словообразовании (Marchand 1951: 95-112). Однако, эти подсистемы не должны противопоставляться, наоборот, их следует рассматривать в единстве в плане взаимосвязи и взаимодействия как

² Лексическая морфология представляет собой, " ... раздел морфологии языка, изучающий разнообразные аспекты строения слова с точки зрения морфемной (темной) мотивированности его значения" (Чинчлей 1980: 30). В согласии с данным определением объектом исследования лексической морфологии, в отличие от словообразования, являются не только производные и сложные слова, но и членимые на темные морфы слова, исследование того, " ... как мотивируется значение членимого слова составляющими его морфами" (*Ibidem*).

составные части целого (Guiraud 1969: 68; Darmesteter 1875: 221-222; Воронцова 1990). Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что книжный и исконный пласты лексики переплетаются во многих точках, многие аффиксы книжного происхождения так ассимилировались, что стали, по мнению ряда исследователей, фактами языка (Dubois 1962; Mitterand 1968; Guilbert 1975).

Пересечение упомянутых подсистем во многих звеньях служит основанием для утверждений, что современный французский язык имеет единую словообразовательную систему (Катагощина 1980: 33; Sauvageot 1980: 395). Однако несмотря на сближение и пересечение исконной и книжной подсистем, лексика современного французского языка продолжает сохранять ряд особенностей, обусловленных историческим развитием французской словообразовательной системы (Катагощина, Васильева 1977), которые затрудняют, в известной степени, попытки применить для систематизации и описания французского словаря такие традиционные микросистемы, как словообразовательная парадигма, словообразовательное гнездо, семья слов и другие. Нередко звуковая и графическая вариативность исконных и книжных корневых морфов настолько значительна, что само отождествление и объединение их в словообразовательные ряды затруднено, если только не выходить за пределы словообразования.

Наличие подобных случаев в лексико-семантической системе современного французского языка служит источником самых противоречивых мнений относительно возможностей словообразования. Так, Ш. Балли, С. Ульман отрицают само наличие регулярных словообразовательных связей во французском языке. Э. Пишон полагает, что семантическое соответствие является достаточным условием для установления словообразовательной модели. На несостоятельность подобных точек зрения относительно французской словообразовательной системы указала Ю. И. Сулова (Сулова 2015).

Между тем, в последние годы, появились исследования дериватологов -романистов, подтверждающие возможность системного изучения лексики французского языка в рамках иных, чем словообразовательные гнезда, микросистемах – морфо-лексических (Чинчлей 1980), смешанных морфо-лексических (Индричан 1987) и

комплексных деривационных парадигмах (Молдовану 2000).

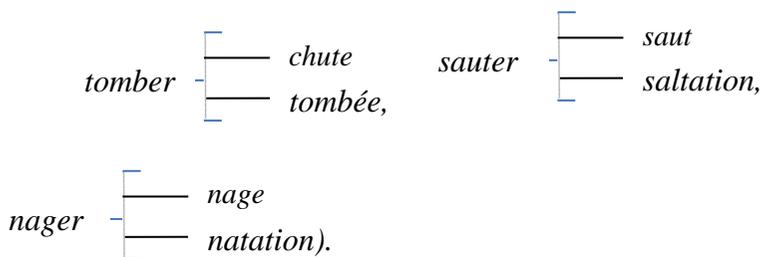
В основу выделения и изучения вышеназванных микросистем положен подход к гнездованию лексических единиц с позиций лексической морфологии, основанный на расширении понятия мотивированности, получивший освещение в трудах Г. С. Чинчлея. Изучение фактического материала с этих позиций выходит далеко за рамки словообразования и позволяет рассматривать не только производные, но и все морфологически неэлементарные слова (ср., например, совокупность слов. *nager*→*natation*, *natatoire*; *fuir*→*fugitif*, *fugace*; *s'échapper*→*escapade*; *ramper*→*reptation*; *aller*→*ambulant* и др.). В подобных случаях отождествление деривационных морфов базируется на понятии супплетоидности, введенное в научных обиход Г. С. Чинчлеем. По мнению ученого, подобного рода формальные различия представляют собой "... крайний случай исторического чередования: оно не соответствует живому регулярному чередованию, или деривационной морфонологии, и по этой причине не может быть отнесено к словообразованию" (Чинчлей 1980: 55).

Еще труднее, практически невозможно объединять в деривационные ряды с позиций словообразовательной производности такие пары слов, как *tomber*→*chute*, *monter*→*ascension*, *grimper*→*escalade*, содержащие супплетивные образования. В этом случае формальной связи между членами пар нет. Семантическая связь, напротив, очень тесная и идентична связи любой пары глагол - существительное, которое обозначает действие по глаголу. Однако вывести формулу построения *chute* из *tomber*, *ascension* из *monter*, *escalade* из *grimper* невозможно.

Вопреки мнению многих лингвистов (Апресян 1974: 168-175; Путырская 1984: 91), мы склоняемся к точке зрения тех исследователей, которые считают, что ни супплетоидность (Чинчлей 1980: 41), ни тем более супплетивность (Чинчлей 1980: 41; Лопатин 1977: 6-7) к словообразованию не относятся, полагая при этом, что объектом словообразования, в строгом смысле этого слова, являются факты выражения словообразовательных значений внутрисловными формальными средствами.

Поскольку супплетоидные и супплетивные образования не соответствуют понятию словообразовательной производности, они

образуют периферию лексической морфологии. Понятно, однако, что и здесь имеет место определенная системность, и ее исследование позволяет решать новые и более сложные задачи по сравнению с теми, которые решает наука о словообразовании. Взаимосвязь центра и периферии лексической морфологии проявляется хотя бы в том, что во французском языке распространены случаи, когда одно и то же производящее может одновременно иметь и однокоренной дериват, и супплетоидный или супплетивный по форме дериваты (ср., например:

В этих условиях, естественно, задача исследователя осложняется теми ограничениями, которые накладывает на принципы гнездования критерий словообразовательной производности, а супплетоидные и супплетивные образования остаются вне поля зрения. Вместе с тем положение Р. А. Будагова о том, что "...нельзя считать, что наше знание, а вслед за ним и наш язык, не различает основных и производных форм каждого отдельного слова" (Будагов 1978: 15), полностью распространяется и на единицы, составляющие периферию лексической морфологии, в которых одни, основные единицы воспринимаются как исходные и монтирующие, а другие – как вторичные и мотивированные³. Последовательное включение

³ Понятие мотивирующего/мотивированного слова шире понятия словообразовательно мотивирующего /словообразовательно мотивированного (производного) слова. Первое обозначает деривационные отношения, второе – только отношения словообразования. Словообразовательная мотивированность является ядром деривационной мотивированности. В соответствии с отношениями деривационной мотивированности и формально сходные, и формально различные лексические единицы попадают в один класс, семантически общих единиц, одни из которых выступают как первичные (мотивирующие) другие – как вторичные

супплетоидных и супплетивных образований в деривационную парадигму базируется на понятиях супплетоидной и супплетивной мотивированности⁴.

Поскольку наше сознание и язык действительно различают первичные и вторичные (мотивированные) единицы, область значения мотивированных единиц может быть описана через область значения исходных для них единиц, будь это словообразовательная, супплетоидная или супплетивная мотивированности.

Тот факт, что супплетоидная и супплетивная мотивированности отражают живые тесные семантические связи между словами, находит адекватное отражение в лексикографической практике. Семантическую соотносительность супплетоидных и супплетивных образований с мотивирующими их словами легко установить на базе словарной дефиниции. Так, супплетоидный по форме девербатив *reptation* определяется в словаре *Lexis* следующим образом: "*mode de locomotion animale dans lequel le corps rampe, c'est-à-dire avance sur le sol sans l'aide des pattes*". Авторы словаря *Le Petit Robert* делают следующее уточнение: *reptation*—„*action de ramper. Mode de locomotion*"..."". Супплетивные по форме девербативы *chute* и *ascension* определяются соответственно как "*action de tomber*" и "*action de monter*".

Можно заключить, что супплетоидная и супплетивная мотивированности как реальные языковые явления больше находят отражение в лексикографической практике современного французского языка, нежели в теоретических и описательных работах по исследованию проблемы деривации в синхронном срезе. Лингвистическая практика опередила лингвистическую теорию.

(мотивированные).

⁴ Для нашего исследования особое значение имеет разграничение понятий мотивирующего слова и мотивирующей основы (МО), на которые опирается деривационная мотивированность. МО выделяется в составе мотивированного слова. Она может быть по форме тождественна или не тождественна мотивирующему слову. При полном формальном тождестве, как и при частичном нарушении формального тождества МО считается словообразовательной или производящей. При частичном формальном расхождении не обусловленном живым регулярным чередованием МО квалифицируется как супплетоидная; при полном отсутствии тождества она считается супплетивной (см. подробнее об этом: (Чинчлей 1991: 30-36).

Во французской лингвистике, насколько нам известно, нет обобщающих работ по вопросам супплетоидной и супплетивной мотивированности, если только не учесть отдельные замечания по этому поводу некоторых исследователей ⁵ (Sauvageot 1980: 61; Picoche 1977: 28). Это и обусловило, по-видимому, тот факт, что в лексикографических работах наблюдается некоторая непоследовательность в гнездовании лексических супплетоидных и супплетивных единиц. Примечателен в этом отношении тот факт, что даже специалисты-лексикографы, заявляющие о гнездовании слов в синхронном плане, не полностью реализуют этот принцип на практике, разнося супплетивные и супплетоидные образования по разным гнездам. Так, в гнездовом словаре Lexis в разных гнездах находятся слова (*tomber* и *chute*, *monter* и *ascension*, *sauter* и *saltation*, *nager* и *natation*, *ramper* и *reptation*, но в одно гнездо входят *fuir* и *fugitif*, *conduire* и *conducteur*, *descendre* и *descente*, *courir* и *course* и др. Это связано, на наш взгляд, с неоднозначностью трактовки вариативности корня в синхронии и диахронии и с узким пониманием мотивированности в языке.

В романской филологии наиболее весомый вклад в исследование явлений супплетоидности и супплетивности в их отношении к словообразованию внесли работы Г. С. Чинчлея (Чинчлей 1980; Он же 1991). В отличие от Ж. Пикош (Picoche 1977: 112), которая, анализируя словообразование французского языка, как строящегося на супплетивных формах, переносит описание словообразовательных моделей в диахронию (описание строится на основе так называемой "этимологической решетки", ядром которой является этимологический корень слова в исконной и книжной формах), работы Г. С. Чинчлея

⁵ Ср. с понятиями "motivation indirecte ou sémantique" у А. Соважо и "motivation génétique" у Ж. Пикош: "Il existe un autre phénomène de motivation qui ne s'appuie pas sur la consonnance ou la ressemblance graphique des vocables, mais seulement sur leur analogie sémantique. C'est la motivation indirecte ou sémantique". (Sauvageot 1964 : 61); „ La motivation génétique fondée sur l'histoire des mots a un intérêt pratique en ce sens qu'elle permet de comprendre clairement la juxtaposition en français d'un lexique populaire marqué de profondes transformations phonétiques et d'un lexique savant calqué sur le latin et le grec, le lien qui existe entre un mot de base populaire et la multitude de dérivés savants qui fonctionnent dans la langue moderne, de mémoriser et de manipuler ceux-ci plus aisément" (Picoche 1977: 28).

нацеливают исследователя на последовательное включение в деривационную парадигму формально разных основ, имеющих живые семантические связи и образующих не словообразовательные, а деривационные в широком смысле корреляции.

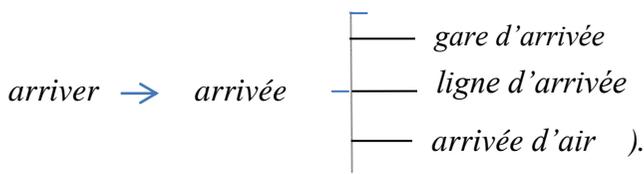
Итак, деривационная соотносительность этих слов в синхронии является достаточным основанием для их включения в одну парадигму. Это, очевидно, свидетельствует о том, что признак внешнего сходства (наличие одного и того же корневого элемента) не играет решающей роли при исследовании деривационных в широком смысле отношений в лексике и что, основанная на материальном родстве знаков-слов, системность словообразования находит свое естественное продолжение в супплетоидной и супплетивной деривации. С другой стороны, если подходить к лексической деривационной системе только со стороны наиболее типичного знака - полнозначного слова, мы способны увидеть лишь ту часть деривационных значений, которые выражаются словом, а другие значения, идентичные полнозначным словам, и способы их выражения выходят за рамки исследования.

Иными словами, имея своим объектом слово, словообразование не включает вопросы системной деривации лексических мотивированных единиц, соотносительных со всеми единицами мотивирующего класса. Между тем слово одного класса в условиях, продиктованных логикой номинации, проецируется в другой, семантически более сложный класс, независимо оттого, может быть образовано производное слово или нет. В последнем случае появляются раздельнооформленные, или аналитические, лексемы (ср.: *conduire*→*conduite*→*agent de conduite*, *voyager*→*voyage*→*voyage d'affaires*, *échapper*→*échappement*→ *soupape d'échappement*, *entrer*→*entrer en service*) При этом далеко не все раздельнооформленные единицы коррелируют с цельнооформленным словом. Скорее, наоборот, подлинными единицами номинации являются именно те аналитические лексемы, которые не имеют словного эквивалента. Одни заполняют лексическую лакуну (ср.: *homme d'affaires*), идентифицируют (Кунин 1966), в то время как другие обычно квалифицируют (*homme de mer*=*marin*).

Именные и глагольные раздельнооформленные единицы

являются многочисленными, образуя открытые классы. Эта особенность четко проявляется в подъязыках науки и техники. Значительное количество аналитических лексем в медицинской терминологии в лексике электро- и радиотехники, а также в других подъязыках, где их непрерывный рост связан, прежде всего, с необходимостью точной номинации, подтверждает актуальность их исследования в соотносительности со словом как деривационной единицей, ведь они рассматриваются в отношении к слову как лексической и грамматической единице.

Раздельнооформленные лексические единицы, мотивированные в той или иной мере составными элементами, включаются в комплексную деривационную парадигму. Входящий в употребление термин "фразообразование" (Соколова 1987) подчеркивает деривационный характер подобного рода раздельнооформленных лексем (ср.: *naviguer*₁→*navigation*₁→*navigation de plaisance*→*nautique*₂,

На примере деривационной цепочки *naviguer*₁→*navigation*₁→*navigation de plaisance*→*nautique*₂ можно наблюдать, с одной стороны, явление аналитизации как разновидности лексической деривации (ср.: *navigation*₁→*navigation de plaisance*), с другой,

- явление обратного порядка, сообщающее языку синтетические признаки путем сжатия (Bally 1955: 313-371) (ср.: *navigation de plaisance*→*nautique*₂). По сути, это одна из форм проявления синтеза в плоскости деривации, при котором языковой факт по форме противоречит линейности, а по содержанию представляет совмещение означаемых (Балли 1955). Деривационная конденсация раздельнооформленной лексической единицы в цельнооформленной лексеме названа Г. С. Чинчлеем деаналитизацией (Чинчлей 1991: 45). Процесс образования лексических единиц путем деривационной конденсации можно квалифицировать как разновидность лексической

деривации.

При таком подходе словообразование, нашедшее свое естественное продолжение в супплетоидной и супплетивной деривации, функционально объединяется с раздельнооформленной деривацией (аналитизацией) и деаналитизацией. Анализ сложного механизма взаимосвязи и взаимодействия различных способов лексической деривации создает предпосылки для исследования типологии случаев деаналитизации и открывает новые перспективы для изучения дихотомии "аналитизация - деаналитизация лексики".

Словообразование, супплетоидная, супплетивная, раздельнооформленная деривация и деаналитизация представляют собой так называемую эксплицитную (формально выраженную) лексическую деривацию в широком смысле. Но если учитывать только эксплицитные формы лексической деривации, то описание современной деривативной системы языка неизбежно окажется односторонним. Поэтому деривационный подход к исследованию деривационных возможностей языка непременно предполагает рассмотрение в единстве и взаимосвязи эксплицитной и имплицитной (формально невыраженной), так называемой семантической деривации. Основанием для этого служит и тот факт, что чаще всего вершиной словообразовательного гнезда является не все содержание многозначного производящего слова, а только тот или иной его лексико-семантический вариант (ЛСВ).

На материале существительных французского языка эта закономерность словообразования была исследована Н. И. Федосеенко. Установлено, что полная реализация всех лексико-семантических вариантов многозначного слова в производной форме (явление симметричной деривации) встречается крайне редко (Федосеенко 1983: 10). Данное положение дает основание по-новому определить степень словообразовательной мотивированности многозначного производного слова.

Под семантической деривацией понимается в данной работе образование у слов вторичных значений путем переноса наименований (Шмелёв 1968: 54; Guiraud 1969: 72-73), а также в результате сужения и расширения области референции основного значения (Guiraud 1967: 177-180). В результате семантической

деривации формируется семантическая структура полисемантического слова. Полисемия как ингерентное свойство языка свидетельствует о том, что обогащение лексики конкретного языка происходит и путем возникновения новых значений, которое не обязательно сопровождается возникновением новых слов (Darmesteter 1946: 34-38; Bréal 1908: 284-285; Нурог 1913: 77). Иначе говоря, уже давно известно, что "обозначение новых понятий" может достигаться и "...путем нового применения старых слов" (Щерба 1915: 80).

С. Д. Кацнельсон, отличая семантическую деривацию от собственно словообразования, называет имплицитную деривацию семообразованием (Кацнельсон 1986: 51). В этой связи представляется необходимым обратить внимание на неадекватное использование в литературе по специальности терминов "лексико-семантический способ словообразования" (Шанский 1975: 225-227; Романова 1982: 77) и "семантический способ словообразования" (Марков 1984; Данилова 1984). Сторонники семантического словообразования фактически стоят на позиции полного отрицания полисемии (а значит и семантической деривации) и тотальной омонимизации словаря. Не входя в детали этих рассуждений, отметим лишь то, что в свое время подобная мысль в различных модификациях, связанных с различным ее обоснованием, в довольно категорической форме высказывалась А. А. Потебней (Потебня 1999), В. А. Звегинцевым (Звегинцев 1996) и другими исследователями. Позднее Р. А. Будагов вскрыл причины несостоятельности данной точки зрения и указал на то, что "Многозначность слова невозможно отрицать, ибо она обусловлена природой нашего мышления - способностью человека обобщать в слове явления окружающего нас мира" (Будагов 1958: 7).

Признавая то, что полисемия присуща самой природе языка и вытекает из соотношения языка и реального содержания человеческого опыта, говорить о семантическом словообразовании представляется неправомерным, так как это противоречит фактам языка. По этому поводу М. Докулил подчеркивает: "Лишь условно можно назвать "образованием" так называемое "семантическое словообразование" (т. е. семантическую деривацию – подчеркнуто нами Г. М.), ибо таким образом увеличивается лишь число значений наименования, а не число наименований как таковых; возникая таким

образом, многозначность наименования может, правда, привести в своих последствиях к распаду наименования на омонимы, но этот распад не является активным процессом словообразования, а результатом семантического развития многозначного наименования при особых исторических условиях (Dokulil 1962: 194).

О так называемом "лексико-семантическом словообразовании" можно, по-видимому, говорить, когда разные значения одного и того же многозначного слова превращаются путем расщепления в слово-омонимы, но это явление исключительно диахроническое. Слова, возникшие в результате расщепления многозначного слова, не могут быть признаны в синхронном срезе производными на том основании, что с синхронической точки зрения они являются немотивированными, они лишены семантической связи с исторически мотивирующими словами, т. е. они не имеют соотносительных производящих слов. Между тем "... о производной основе (и о производном слове – подчёркнуто нами Г. М.) можно говорить лишь тогда и до тех пор, пока есть соотнесенная с ней основа непродвиженная" (Винокур 1959: 425; Улукханов 1996), а омонимы (в том числе семантические омонимы), как известно, осознаются как совершенно не связанные между собой⁶ (Nyrop 1913: 36; Шмелёв 1977: 78).

Следовательно, семантический дериват признается как таковой до распада полисемии, т. е. пока существует внутрисловная эпидигматика, а с распадом полисемии утрачивается и отношение деривации между лексико-семантическими вариантами. Поэтому лексико-семантический способ образования слов не находит выражения в словообразовательном гнезде в частности и в синхронном словообразовании вообще. Можно признать описание лексико-семантического способа словообразования уделом исследований в диахроническом разрезе. В синхронном же плане ему

⁶ Ср.: „Il s'agit donc ici d'une bifurcation sémantique du même mot dont les différents sens se sont tellement éloignés l'un de l'autre qu'ils ont fini par perdre tout contact entre eux, et au point de vue de la pensée, sont devenus des mots distincts” (Nyrop 1913: 36).

соответствует семантическая деривация. Но это образование лексико-семантических вариантов, а не слов. Поэтому трудно согласиться с толкованием данного способа как "семантического словообразования". Руководствуясь соображениями систематичности терминов, мы предлагаем различать понятия и термины "семантическая деривация" и "словообразование" (словообразовательная деривация), как составные части лексической деривации в широком смысле. Данные явления различаются между собой и по исходной данности, и по результату. Говоря о целесообразности их различения, мы исходим из того, что *raison d'être* возникновения системы словообразования со всеми ее средствами и моделями отчетливо связан, в первую очередь, с потребностью в новых лексемах. Поэтому правильнее будет говорить о семантической деривации как об одной из форм лексической деривации (в широком смысле) и рассматривать ее не в рамках словообразования, а наряду с ним.

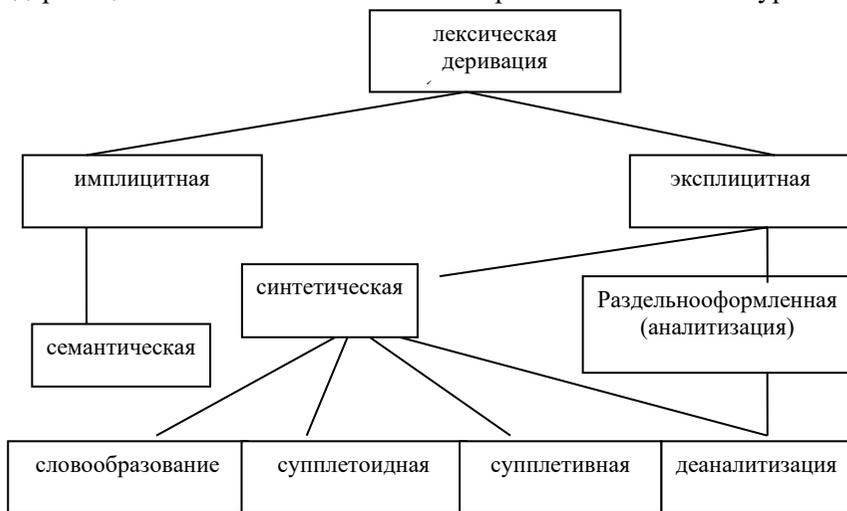
4. Понятие лексической деривации в широком смысле. Её объект и границы

Сказанное позволяет заключить, что лексическая деривация (в широком смысле) представляет собой область образования мотивированных лексических единиц и включает в себя собственно словообразование, супплетивную, супплетивную, раздельнооформленную и семантическую деривацию. Лексической деривации в таком понимании мы противопоставляем синтаксическую деривацию (в строгом смысле слова). Она охватывает грамматическую форму предложения (словосочетания) и приводит к изменению связей между лексемами (актантами и предикатами), то есть к изменению синтаксической структуры предложения (словосочетания) (Мурзин 1984: 26-27; Кацнельсон 1986: 132). Поскольку вопросы, связанные с синтаксической деривацией в таком понимании, выходят за пределы нашего исследования, здесь нет необходимости их рассматривать. Для нас существенное значение имеет уточнение понятия "лексическая деривация" в широком смысле, определение ее предмета, ее границ и специфики.

Лексическая деривация в широком смысле может быть определена как область образования любых вторичных (мотивированных) лексических единиц: значений слов (семантические

дериваты), слов (производные и сложные слова, супплетоидные и супплетивные по форме дериваты), а также раздельнооформленных дериватов (аналитические и аналитико-синтетические дериваты, аналитические и синтаксические композиты).

Становится ясно, что предмет лексической деривации в широком смысле не совпадает с предметом словообразования. Суть различия между ними можно увидеть в структуре и содержании основных единиц. Для обоих предметов важны отношения "мотивирующее - мотивированное". В словообразовании это будет, например, пара типа *sortir*→*sortie*. Лексическая деривация же учитывает и другие мотивированные единицы, например, типа *s'échapper*→*escapade*; *grimper*→*escalade*; *courir*→*coureur*→*coureur de fond*; *coureur de vitesse*; *abandonner*₁ (sujet nom de pers.) „se retirer d'un lieu d'une manière définitive”→*abandonner*₂ „cesser d'occuper une situation sociale”. Поэтому для лексической деривации реальны и такие пары, которые не способны заметить словообразование, так как в этом значении нет нового производного слова. Внутри словообразования как определенного типа лексической деривации в широком смысле можно выделить "лексическое словообразование" и "синтаксическое словообразование", соответствующим "лексической деривации" и "деривации синтаксической" в терминологии Е. Куриловича.

Сказанное позволяет представить лексическую деривацию в широком

смысле в следующем виде.

Таким образом, словообразование, имея своим объектом исследование образования однословных (цельнооформленных) словообразовательно мотивированных наименований, является частным случаем лексической деривации в широком смысле.

Лексическая деривация в широком смысле как составная часть универсального языкового явления – деривации – исследует образование любых вторичных лексических единиц, независимо от формальной опоры и сложности образуемых знаков. Словообразование изучает только те деривационные связи, которые имеют соответствующую формальную опору; лексическая деривация исследует как формально выраженные, так и формально невыраженные деривационные отношения. Словообразование ориентировано на "словную" форму производного знака, лексическая деривация в широком смысле исследует также и образование сверхсловных, раздельнооформленных дериватов, которые в известной степени дополняют словообразование.

Словообразование и лексическая деривация в широком смысле находятся в отношении гипо-гиперонимии. Если представить лексическую деривацию в широком смысле в терминах центра и периферии, то словообразование составит ее центральную часть, а все остальные типы лексической деривации в широком смысле будут размещаться на периферии. Следствием разграничения словообразования и лексической деривации в широком смысле является различие двух подходов к принципам гнездования лексических единиц – соответственно словообразовательного и деривационного подходов.

Словообразовательный подход основан на критерий формально-семантической общности единиц, входящих в словообразовательные ряды и гнёзда, и ориентирован на "словный" характер производных. Деривационный подход не ограничен строгими канонами формальной опоры в анализе связей между лексическими единицами и критерием их обязательной цельнооформленности. Он апеллирует к параметрам, которые недоступны для словообразовательного подхода. В частности, понятие словообразовательной производности уступает место более емкому понятию – понятию деривационной мотивированности,

которое рассматривается в качестве ключевой константы в анализе деривационных в широком смысле отношений между лексическими единицами. Наличие живых семантических связей в синхронии между первичными и вторичными лексическими единицами считается достаточным основанием для фиксации отношений деривационной мотивированности.

Словообразовательный подход, при всей его важности, оказался слишком жестким. Напротив, деривационный подход открывает широкие возможности для рассмотрения исконной и книжной лексики французского языка посредством связывающих их отношений деривационной мотивированности. С другой стороны, он создает благоприятные предпосылки для исследования взаимодействия имплицитной и эксплицитных форм лексической деривации в широком смысле, в том числе раздельнооформленной деривации, в рамках КДП.

В лексической деривации как отдельной подсистеме языка отражается важнейшая закономерность всего языка - оппозитивность. Любой языковой знак находится в многообразных отношениях с другими знаками, причем как одинакового с ним ранга, так и разных уровней. Поэтому любая единица языковой системы сама по себе не интересна для дериватолога. Она вызывает интерес только в объединении с другими единицами, так как именно в объединении раскрываются ее свойства. Одной из основных форм объединения единиц лексической деривации является комплексная деривационная парадигма, которая представляет собой адекватное отражение деривационных в широком смысле отношений в лексике.

Выводы

Уточнение границ словообразования и лексической деривации в широком смысле отнюдь не означает, что речь идет о решительном разрыве с теми задачами, которые решает словообразование, а лишь об их дополнении. Так, понятие словообразовательной производности не отвергается раз и навсегда, а считается лишь базовым критерием установления отношений деривационной производности. Новизна теории лексической деривации – если сравнить ее с теорией словообразования – носит относительный характер. С одной стороны, многие интерпретационные правила теории лексической деривации в

широком смысле нетрудно перифразировать в терминах словообразования. С другой стороны, выработанные в теории словообразования отдельные положения, с определенными оговорками, могут найти применение при исследовании лексической деривации в широком смысле. В частности, можно полагать, что основным объектом последней будут производные и членимые слова⁷. То же самое можно говорить о понятии производности, которое в теории лексической деривации в широком смысле пересмотрено и приобретает несколько иную интерпретацию. "Деривационная производность" становится синонимом "мотивированности" в широком смысле.

Преимущество лексической деривации в широком смысле заключается в том, что ее теоретические основы во многих случаях приводят к более естественному описанию лексической деривации системы языка, чем словообразование. Это касается, в первую очередь, французского языка со свойственными ему исконными и книжными основами, явление, которое в известной степени усложняет картину французского словообразования и затрудняет изучение и описание словообразовательных гнёзд. Поэтому лексическую деривацию в широком смысле естественнее считать расширением словообразования, чем конкурирующей с ним альтернативой.

Список цитируемой литературы

Азарх, Ю. С., *Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка*, М, Наука, 1984. 247 с.

Апресян, Ю. Д., *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. М, Наука, 1974. 368 с.

Арутюнова, Н. Д., *Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы*, М, Наука, 1976. 383 с.

Ахманова, О. С., *Словарь лингвистических терминов*, М, Советская энциклопедия, 1969. 608 с.

⁷ Понятие членимости, как известно, было выработано в теории словообразования (см об этом: Земская 1966 : 3-12). Членность и словообразовательная производность состоят в отношении пересечения, а не включения, как принято считать. Членность не шире производности, так как имеются производные нечленимые основы. С другой стороны, не все членимые основы являются производными.

- Балли, Ш., *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, М, Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
- Будагов, Р. А., *Многозначность слова*. In: Филол. Науки, 1958. N 1. с. 5-18.
- Будагов, Р. А., *Система и антисистема в науке о языке* In: Вопр. языкознания, 1978. N 4. с. 3-17.
- Bréal, M., *Essai de sémantique (science des significations)*, Paris, Hachette, 1908. 372 p.
- Brunot, F., *La pensée et la langue: (Méthode, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français)*, Paris, Masson, 1965. 982 p.
- Винокур, Г. О., *Избранные работы по русскому языку*, М, Учпедгиз, 1959. 492 с.
- Воронцова, И. Б., *О роли двойственного характера основ французского языка в эволюции его словообразовательной системы* In: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца, М, 1990. Вып. 361. с. 30-40.
- Guilbert, L., *Fondements lexicologiques du dictionnaire. De la formation des unités lexicales* In: Grand Larousse de la langue française en 6 volumes, Paris, Larousse, 1971. Vol. 1. P. IX-LXXXI.
- Guilbert, L., *La créativité lexicale*, Paris, Larousse, 1975. 285 p.
- Guiraud, P., *Structures étymologiques du lexique français*, Paris, Larousse, 1967. 211 p.
- Guiraud, P., *Les mots savants*, 2-е éd., Paris, Presses Universitaires de France, 1968. 128 p.
- Guiraud, P., *Essais de stylistique*, Paris, Klincksieck, 1969. 283 p.
- Grevisse, M., *Le bon usage: Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui*, 11e éd., Paris, Duculot, 1980. 1519 p.
- Данилова, З. П., *Адъективные образования от прилагательных со значением цвета*. In: Русское семантическое словообразование, Ижевск, Издательство Удм. ун-та, 1984., с. 112-117.
- Darmesteter, A., *Traité de la formation des mots composés dans la langue française comparée aux autres langues romanes et au latin*, Paris, Franck, 1875. 331 p.
- Darmesteter, A., *La vie des mots étudiés dans leurs significations*, Paris, Delagrave, 1946. 212 p.
- Dokulil, M., *Tvoření slov v češtině*, T. I. Teorie odvozování slov., Praha, Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1962. 220 p.
- Dubois, J., *Etude sur la dérivation suffixale en français moderne et contemporain. Essai d'interprétation des mouvements observés dans le domaine de la morphologie des mots-construits*, Paris, Larousse, 1962. 120 p.
- Dubois, J., *Grammaire structurale du français. La phrase et les transformations*,

- Paris, Larousse, 1969. 187 p.
- Звегинцев, В. А., *Мысли о лингвистике*, М, Изд-во Моск., Ун-та, 1996. 333 с.
- Земская, Е. А., *Понятия производности, оформленности и членимости основ*. In: Развитие словообразования современного русского языка, М, Наука, 1966. с. 3-12.
- Земская, Е. А., *Словообразование//Современный русский язык*. In: Учебник/ В. А. Белошапкова, Е. А. Земская, И. Г., Милославский, М. В. Панов; Под ред. В. А. Белошапковой., М., Высш. Шк., 1981. с. 133-239.
- Индричан, В. И., *Смешанные морфо-лексические парадигмы французского языка, мотивированные существительным*, Автореф. Дис..... канд. филол. Наук., Минск, 1987. 16 с.
- Катагощина, Н. А., *Как образуются слова во французском языке*, М., Просвещение, 1980. 109 с.
- Катагощина, Н. А., Васильева, Н. М., *Курс истории французского языка: Учеб. для вузов по специальности „Фр. яз. и лит.“*, М., Фирма „Диана“, 1997. 420 с.
- Кацнельсон, С. Д., *Общее и типологическое языкознание*, Л, Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. 297 с.
- Кубрякова, Е. С., *Деривация, транспозиция, конверсия*. In: Вопр. языкознания., 1974., N 5. с. 64-76.
- Кубрякова, Е. С., *Семантика производного слова*, In: Аспекты семантических исследований, М., Наука, 1980. с. 81-155.
- Кубрякова, Е. С., *Типы языковых значений. Семантика производного слова*, М, Наука, 1981. 200 с.
- Кунин, А. В., *Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз*, М, Высш. шк.; Дубна, Изд. центр. „Феникс“, 1996. 380 с.
- Курилович, Е., *Очерки по лингвистике*, М, Изд-во иностр. лит., 1962. 465 с.
- Le Bidois, R., *Les mots trompeurs ou le délire verbal*, Paris, Hachete, 1970. 286 p.
- Лопатин, В. В., *Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания*, М., Наука, 1977. 315 с.
- Marchand, H., *Esquisse d'une description des principales alternances dérivatives dans le français d'aujourd'hui*. In: Studia linguistica, V. 1951. P. 95-112.
- Марков, В. М., *О семантическом способе образования слов*. In: Русское семантическое словообразование, Ижевск, Изд-во Удм. ун-та, 1984. с. 3-12.
- Mitterand, H. *Les mots français*, Paris, Presses Universitaires de France, 1968. 128 p.
- Молдовану, Г. К., *Деривационные микросистемы французского языка: комплексная деривационная парадигма*, Кишинёв 2000, с. 32-46.

- Мурзин, Л. Н., *Основы дериватологии*, Пермь, Изд-во Перм. ун-та, 1984. 56 с.
- Николаев, Г. А., *Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы*, Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1987. 152 с.
- Нурор, Кг., *Grammaire historique de la langue française*, Т. IV. Sémantique, Copenhague, Gyldendalske Boghandel Nordisk Forlag et Paris, Picard, 1913. 496 p.
- Picoche, J., *Précis de lexicologie française*, Paris, Nathan, 1977. 181 p.
- Потебня, А. А., *Мысль и язык: Собр. тр.*, А. А. Потебня, М., Лабиринт, 1999. 286 с.
- Путырская, О. Г., *Понятие супплетивизма на уроках грамматики и словообразования (на материале современного фр. яз.)*. In: Семантико-системные отношения в языке., Сб. науч. тр., Свердловск: Изд-во Свердл. пед. ин-та, 1984., с. 87-92.
- Романова, Н. Н., *О преподавании лексической полисемии в курсе „Современный русский язык”*. In: Рус. яз. в шк., 1982., N 1., с. 75-78.
- Sauvageot, A., *Portrait du vocabulaire français*, Paris, Larousse, 1964. 285 p.
- Sauvageot, A., *Le renouvellement du lexique français*. In: Revue roumaine de linguistique, Bucarest, 1980., Т. 25, N 4., P. 393-401.
- Соболева, П. А., *Моделирование словообразования*. In: Проблемы структурной лингвистики 1971, М., Наука, 1972, с. 165-212.
- Соколова, Г. Г., *Фразообразование во французском языке*, М., Высш. шк., 1987. 144 с.
- Суслова, Ю. И., *Становление словообразовательной системы французского языка в XVI--XVII веках*, Москва, Либроком 2015, 172 с.
- Торопцев, И. С., *Словопроизводственная модель*, Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 148 с.
- Улуханов, И. С., *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*, Москва 1996. 221 с.
- Федосеенко, Н. И., *Структура значения отыменных существительных в современном французском языке*, Автореф. дис. ... канд. филол. Наук., М., 1983. 22 с.
- Хохлачёва, В. Н., *Словообразование существительных в русском языке (опыт системного исследования)*, Автореф. дис. д-ра филол. наук., М., 1976. 48 с.
- Чинчлей, Г. С., *Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры (морфема, монема, темема)*, Кишинёв, Штиинца, 1975. 222 с.
- Чинчлей, Г. С., *Вопросы тождества морфемы и супплетивизм*, Кишинёв, Штиинца, 1980. 144 с.
- Чинчлей, Г. С., *Связанный корень как мотивирующая основа*. In: Грамматические и лексические системы в романских и германских языках,

Кишинёв, Штиинца, 1984. с. 105-111.

Чинчлей, Г. С., *Очерки по деривации в современном французском языке*, Кишинёв, Штиинца, 1991. 120 с.

Шанский, Н. М., *Русский язык. Лексика. Словообразование*, М., Просвещение, 1975. 239 с.

Шкуропацкая, М. Г., *Деривационная системность лексики*. Дисс... д-ра филол наук, Кемерово 2003. 377 с.

Шмелёв, Д. Н., *Лексика современного русского языка*. In: *Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка*, Под ред. М. В. Панова, М, Наука, 1968. Гл. 1., параграфы 1-7. с. 50-55.

Шмелёв, Д. Н., *Современный русский язык: Лексика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов*, М, Просвещение, 1977. 335 с.

Щерба, Л. В., *Восточнолужицкое наречие*, Петроград, 1915., Т. 1. 248 с.